

МОДНОЕ ЧТЕНИЕ

*Посвящается
всем Иден и Тайлерам.
Не сдавайтесь.*

Глава 1

Я шлепаю босиком по холодной воде, держа в руке конверсы. Поднимается ветер, в темноте слышен плеск волн, и я почти забываю, что не одна. Вдалеке раздаются смех и веселые голоса. Сегодня Четвертое июля.

Мимо с громким смехом пробегает незнакомая девушка, за ней парень, и меня обдает солеными брызгами. Бойфренд догоняет девчонку, хватается за плечи и притягивает к себе. Сцепив зубы, я крепко сжимаю в руке шнурки от конверсов, обмотанные вокруг пальцев. Никогда не видела эту парочку, хотя они мои ровесники. Наверное, не местные: приехали отмечать старое доброе Четвертое июля в Санта-Монику. И чего они все сюда рвутся? Скука смертная, даже фейерверки запрещены. В жизни не встречала такой глупости, не считая запрета заливать бензин в собственное авто в Орегоне. В соседних Марина-дель-Рей и Пасифик-Палисейдс небо озаряется огнями. Их едва видно, но хоть какое-то развлечение.

Парочка теперь целуется, стоя в воде. Я отворачиваюсь и медленно бреду в сторону от запруженного людьми пирса, подальше от празд-

ничной суеты. На пляже народу меньше, и я чувствую себя свободнее. Четвертое июля для меня — тяжелый день. Слишком много нежелательных воспоминаний связано с этой датой. Я иду все дальше вдоль берега, пока Рейчел не окликает меня по имени.

Совсем забыла, что она пошла за мороженым в «Сода джеркс». Магазины и кафе на набережной работают сегодня дольше, чем обычно. Моя лучшая подруга неловко бежит по песку, держа в каждой руке по большому стакану. На голове у нее бандана с американским флагом.

— Они уже закрывались, — запыхавшись, произносит Рейчел, слизывает с пальца мороженое и протягивает мне мой санди.

Я выхожу на песок и благодарю ее слабой улыбкой. Настроение ни к черту, и притворяться, что мне весело, нет сил. Однако сегодня надо быть патриотичной. Я перевожу взгляд с патриотичных красных конверсов на мороженое, которое называется «Карусель Тоббогана», в честь той самой карусели на ипподроме Луффа. «Сода джеркс» — кафешка на углу. За три недели, что я дома, мы уже несколько раз туда ходили за мороженым. Оно успокаивает нервы гораздо лучше, чем кофе.

— Вся толпа на пирсе, — осторожно напоминает Рейчел. — Может, пойдем туда?

И сразу же переключает внимание на мороженое, боясь услышать отрицательный ответ. Колесо обозрения у нее за спиной светится красными, белыми и синими огоньками, как всегда на

Четвертое июля. Скука смертная. Я окидываю взглядом набережную. На променаде толпа народу, и все-таки надо соглашаться: сколько можно испытывать терпение Рейчел?

— Ладно.

Мы разворачиваемся и идем по пляжу, петляя между отдыхающими. Через несколько минут я останавливаюсь, чтобы обуться.

— Ты видела Меган? — спрашивает Рейчел.

— Еще нет, — отвечаю я, заправляя шнурки.

Если честно, я не горю желанием увидеть старую подругу, которую теперь считаю бывшей. Но Меган тоже приехала на лето домой, и Рейчел хочет возродить былую дружбу.

— Ничего, мы ее найдем, — говорит она и меняет тему: — Ты слышала, что колесо обозрения запрограммировано теперь на песню Daft Punk?

Рейчел делает несколько танцевальных движений, хватая меня за руку и увлекает за собой. Я неохотно пританцовываю, несмотря на отсутствие музыки.

— Еще одно лето, еще один год...

Я чуть не роняю свой санди и удивленно смотрю на Рейчел, которая продолжает беззаботно кружиться под воображаемую музыку. Еще одно лето, еще один год. Четвертое лето нашей дружбы, выдержавшей многочисленные испытания. Я даже не надеялась, что Рейчел простит мои ошибки, но она забыла плохое, потому что у нее были более важные дела: угощать меня мороженым, устраивать развлекательные поездки, чтобы отвлечь меня от грустных мыслей, чтобы

мне стало легче. Друг познается в беде. Потом я уехала в Чикаго, где меня ждал нелегкий первый курс колледжа, и все равно мы остались лучшими подругами. Теперь я снова в Санта-Монике, и впереди у нас пара месяцев лета.

— Ты уже толпу собрала, — улыбаюсь я.

Когда моя подруга замечает, что окружающие наблюдают за танцем, ее щеки вспыхивают.

— Пора смываться, — шепчет она, хватая меня за руку, и мы срываемся с места. Пробегаем несколько десятков метров, чтобы оторваться от зрителей.

— Скажу в свое оправдание, что Четвертого июля всем разрешается вести себя, как полные идиоты, — выдыхает она. — Это обряд посвящения, который подтверждает, что мы — свободная нация и каждый может делать все, что взбредет в голову.

Вранье. За свои девятнадцать лет я прекрасно усвоила, что ничего мы на самом деле не можем. В Орегоне нельзя заливать бензин в собственную машину, в Санта-Монике нельзя запускать салюты. Нельзя трогать надпись «Голливуд», нельзя нарушать законы и нельзя целоваться со сводными братьями. Нет, вы, конечно, можете все это делать на свой страх и риск, если только хватит смелости отвечать за последствия.

Я презрительно ухмыляюсь. Мы поднимаемся по ступенькам к пирсу, музыка набирает силу. Колесо обозрения мигает цветами американского флага. Другие аттракционы тоже блестят огнями, но не так патриотично. Мы проталкиваемся через парковку, забитую автомобилями, и

я вдруг замечаю моего сводного брата Джейми и его подружку Джен, с которой он встречается уже второй год. Джейми прижал девчонку к пассажирской двери старого, побитого «шевроле» в дальнем углу стоянки, и они самозабвенно целуются. Рейчел, видать, тоже их заметила, потому что остановилась.

— Я слышала, от него одни неприятности, — бормочет она. — Копия старшего брата, только белобрысый.

Я посылаю Рейчел предостерегающий взгляд. Старший брат Джейми, который по совместительству приходится мне сводным братом, — запретная тема. С некоторых пор мы даже не упоминаем его имя. Подруга чувствует, что я напряглась, понимает свою ошибку и одними губами просит прощения.

Я оглядываюсь на сладкую парочку. Они все еще целуются. Закатив глаза, я швыряю остатки мороженого в урну и кричу:

— Не забывай дышать, Джей!

И приветственно машу рукой. Рейчел тихонько хихикает и шутливо бьет меня по плечу. Джейми поднимает голову. Его глаза блестят, волосы растрепаны. В отличие от Джен, которая чуть не падает в обморок от стыда, он страшно злится.

— Пошла к черту, Иден!

Джейми хватает свою подружку за руку и уводит ее. Похоже, наш средненький весь вечер прятался от Эллы. Когда тебе хочется без помех позажиться с девчонкой, ты не станешь делать это на глазах у мамы.

— Он с тобой так и не разговаривает? — спрашивает Рейчел, перестав хихикать.

Я пожимаю плечами и поправляю волосы, которые отросли после зимней стрижки чуть ниже плеч.

— На прошлой неделе за обедом попросил передать ему соль. Это считается?

— Нет.

— Значит, не разговаривает.

Джейми меня терпеть не может. Дело не в том, что семнадцать — трудный возраст, просто его от меня тошнит, как и от старшего брата. Он не выносит нас обоих. Сколько я ни объясняла, что все в прошлом, Джейми не верит. Каждый раз выбегает из комнаты как ошпаренный и хлопает дверью.

Мы с Рейчел выходим на променад, кишаций людьми, и я обреченно вздыхаю. Сегодня здесь собрался весь город. Родители с малышами — в колясках и на плечах, снующие под ногами собаки, парочки в обнимку — как та, на пляже. Видеть их не могу — все эти переплетенные пальчики, томные улыбочки... Желудок противно сжимается. Как я их всех презираю!

Рейчел тормозит перекинуться парой слов с бывшими одноклассницами. Я смутно припоминаю, что вроде бы где-то их видела: в школе или на променаде сто лет назад. А вот они меня знают. Меня теперь все знают. Я — та самая Иден. Девчонка, которая вызывает усмешки и презрительные взгляды у всего города. Вот и сейчас то же самое. Несмотря на мою дружелюбную улыбку

ку, они косятся на меня, как на прокаженную, всем своим видом показывая, что общаются с Рейчел, а не со мной. Я сжимаю губы, скрещиваю руки на груди и пинаю ногами камешки, ожидая Рейчел.

Так происходит каждый раз, когда я возвращаюсь в Санта-Монику. Меня здесь не любят и считают странной. Исключение составляют только мама и Рейчел. Остальные осуждают меня, хотя толком ничего не знают. Хуже всего было на День благодарения в прошлом году. Я впервые появилась в городе после того, как в сентябре уехала в колледж. За месяц моего отсутствия слухи распространились, как лесной пожар, и к ноябрю все уже знали. А я ничего не понимала. Почему Кэти Ванс, с которой я ходила на несколько предметов в школе, опустила голову и отвернулась, когда я ей помахала? Почему молоденькая кассирша в магазине захихикала и перемигнула со своей напарницей, когда я пошла к выходу? Я ни о чем не подозревала, пока не пришло время улетать в Чикаго. Уже в аэропорту какая-то незнакомая девица спросила у меня открытым текстом: «Это ведь ты встречалась со своим сводным братом?»

Разговаривая, Рейчел то и дело поглядывает в мою сторону. Я независимо пожимаю плечами: все в порядке, но она быстро прекращает разговор, придумав какой-то повод.

— Ну, все, знать их не хочу! — заявляет Рейчел, бросив стакан в урну, и продевает свою руку в мою. И вновь разворачивает меня к пар-

ку, да так быстро, что у меня все мелькает перед глазами.

— Меня это вообще не парит, — уверяю я подругу, пока мы пробираемся сквозь толпу.

— Ага, рассказывай! — хмурится она.

Я хочу доказать ей, что мне действительно все равно, однако не успеваю открыть рот, как перед нами появляется Джейк Максвелл — старый приятель из той же компании, что и Меган. Мы уже встречали его пару часов назад, и тогда он был относительно трезвым.

— А-а-а, вот вы где!

Он хватает наши руки и запечатлевает на каждой слюнявый поцелуй. Джейк впервые приехал домой из колледжа в Огайо, мы не видели его два года, и я очень удивилась, что он отпустил бородку, а он — что я так и живу в Санта-Монике. Ему кто-то сказал, что я давным-давно вернулась в Портленд. В остальном Джейк не изменился: он все такой же бабник и не пытается это скрывать. Когда Рейчел спросила у него, как дела, он ответил, что не очень, потому что обе подружки бросили его практически одновременно, и искренне недоумевал, какая муха их укусила.

— Где ты успел так набратся? — спрашивает Рейчел, морща нос и вырывая у него руку. Ей приходится перекрикивать музыку, доносящуюся из Пасифик-парка.

— У Ти-Джея. — На случай, если мы забыли, где живет Ти-Джей, он показывает большим пальцем себе за плечо, на жилой комплекс прямо за пляжем.

Такое разве забудешь! Мой желудок подскакивает к горлу.

— Он отправил меня собирать народ. Хотите на афтепати? — блестит глазами Джейк.

Его майку украшает американский флаг с орлом, на лапах которого печатными буквами выведено слово «свобода». Это смешно, но еще смешнее временная татуировка в виде орла, что красуется у Джейка на щеке. Видно, он пил не только пиво.

— Афтепати? — переспрашивает Рейчел. По глазам видно, что она очень хочет.

— Ага! — Джейка распирает от восторга. — Море пива и все, чего душа пожелает! Давайте, девчонки, сегодня ведь Четвертое июля, и выходные впереди, там будут просто все.

— Все? — морщусь я.

— Ти-Джей со своими, Меган с Джаредом уже пришли, Дин заглянет попозже, Остин Камер...

— Я пас.

Джейк огорченно умолкает и переводит взгляд с меня на Рейчел. Затем хватает меня за плечи и легонько встряхивает:

— Э-э-эй, ты меня слышишь? Что с тобой, черт возьми? Где Иден, которую я знал? Я чертовски давно тебя не видел, но ты не могла за каких-то два года стать такой занудой!

Я стряхиваю его руки и делаю шаг назад. Не собираюсь я ему объяснять, что да почему. Молча опускаю взгляд в пол, надеясь на Рейчел. Она всегда меня спасает, напоминая сомневающимся, что я не встречалась со своим сводным братом.